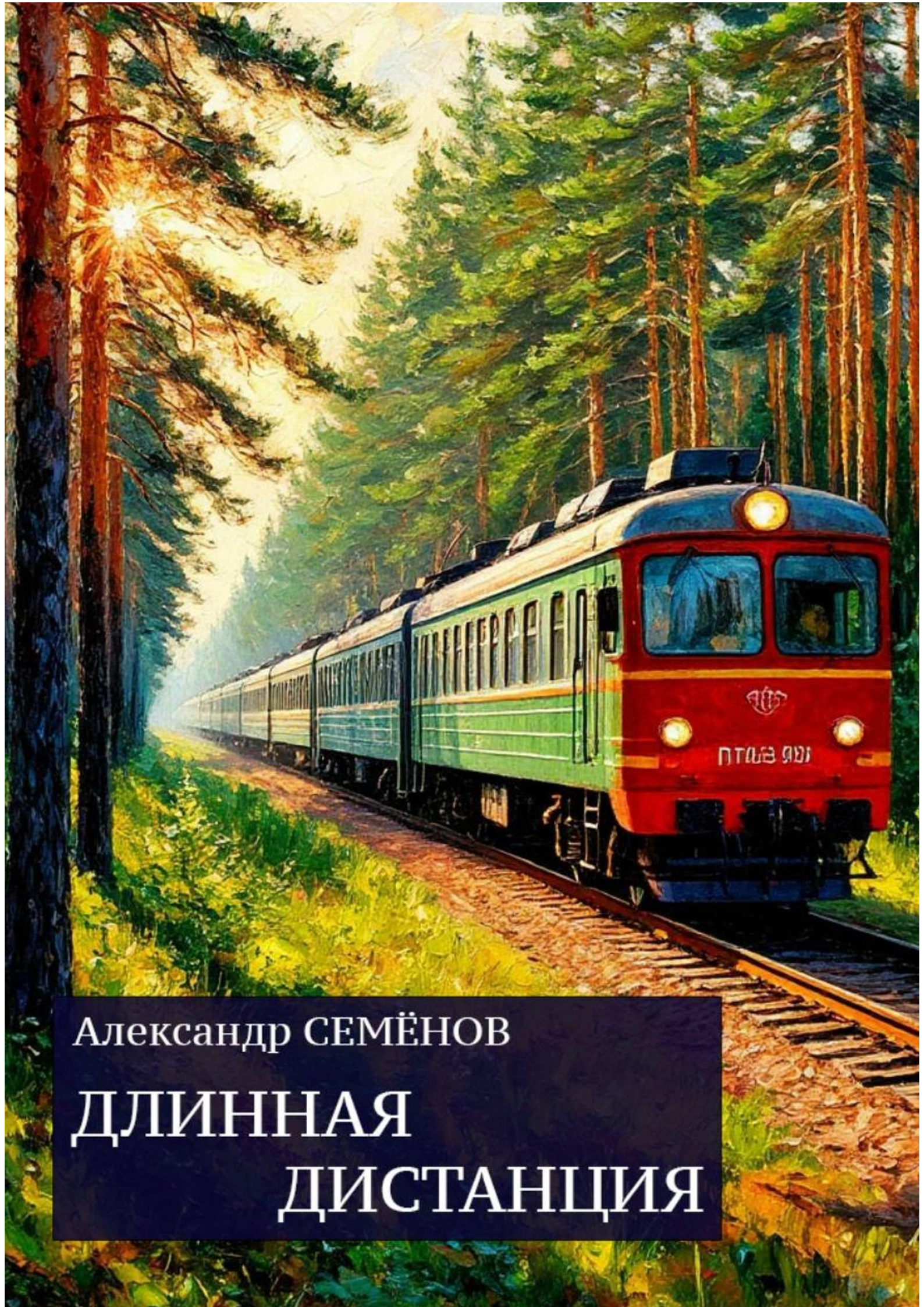

Александр СЕМЁНОВ

ДЛИННАЯ ДИСТАНЦИЯ

Александр Семёнов

Длинная дистанция

«Автор»

2026

Семёнов А.

Длинная дистанция / А. Семёнов — «Автор», 2026

Лето на Ладоге дарит встречу, которую невозможно забыть, но не гарантирует счастья. Здесь в выигрыше тот, кто ходит по лесу босиком, плавает в ледяной воде, поёт без фальши, не плачет от дыма и никуда не торопится на дистанции в несколько лет.

© Семёнов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

НАСТЕНЬКА БУДЕТ РАДА	5
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Александр Семёнов

Длинная дистанция

НАСТЕНЬКА БУДЕТ РАДА

Вышли на Площадь Искусств, не спеша направились к метро, вдвоём среди толпы, всё более оживлённой к белой ночи, в пёстрых нарядах, с разноречивым говором, смехом, с мороженым и воздушными шариками.

— Не раз в боях кровавых ужас смерти сеял мой була-а-ат... — пропел Андрей почти шёпотом, но несколько прохожих обернулись с изумлением в глазах.

— Тебе надо туда, — кивнула Юля на оставшийся за спиной театр. — Не в зрительный зал.

— В массовку?

— Это не я сказала.

— Хватило кино. Видел на экране свои ноги в сапогах вот с такими носами.

Свернули в сквер, миновали Пушкина с голубями на откинутой руке.

— Съездим завтра в Царское Село? — спросил Андрей.

— Завтра еду на Ладогу, — сказала Юля так, будто напомнила о своих планах, а между тем он впервые слышал о них. — С палаткой, рано утром. Там друзья, давно зовут.

И о друзьях не говорила...

— Поможешь с рюкзаком? — спросила Юлька, тронув его за руку. — Если ничего срочного. Я уложу, только довести.

— Помогу, — ответил он. Сколько там спать, часа три? — Помогу, конечно. Давай тогда по домам, тоже соберусь, утром заеду.

— В семь часов, — сказала Юля. — Лучше даже в полседьмого. Успеешь?

— Вполне. Договорились.

Андрей вызвал такси, отправил Юлю домой. Наутро в полупустом вагоне она сидела напротив, лицом по ходу. Серьёзная или просто сонная, в панаме, стокарманной жилетке, джинсах с кожаными заплатами. Рюкзачище лежал, покачивая свешенной лямкой, на багажной полке над головами. Чуть ли не больше хозяйки, тяжелее, чем казался на вид. Две бутылки мускатного фестивального точно внутри, сам покупал, а ещё? И наверняка не один том Кьеркегора.

Андрей пересел рядом с Юлей, она тотчас разулась и положила ноги в клетчатых носках на его бывшее место возле окна:

— Занято!

Мерно стучали колёса, бесконечные берёзы и сосны за окном сливались в акварельную полосу. Она подходила ближе, вдруг оборвалась, но ещё недолго текла перед глазами, а сквозь неё проступали цветущий луг, серебряное озеро, наполовину скрытое туманом. Сбавили ход, остановились у платформы. Вошла компания рыбаков: антенны, хаки, болотные сапоги — сели кучей и громко, наперебой заговорили.

Тронулись дальше, прогремели по мосту. Солнце показалось над вершинами, огненные пятна с изломанными краями вспыхнули на полу, на сиденьях, коленях. Длинная синеватая тень заскользила по траве за бортом и вдруг на чуть заметном повороте исчезла. И вновь, едва разогнались, — замедление, платформа.

— Хочешь? — Юля вынула из кармана маленькую флягу в плетёном кожаном чехле. — Узнал, чья работа?

Андрей кивнул, сделал глоток: и тут мускатное. Вернул флягу, открыл свою сумку. Телефон, аккумулятор, купально-умывальное, пара смен белья, старые брюки с рубашкой, упаковка презервативов, складной нож и несколько яблок.

— Держи, — протянул самое большое.

— Хорошо сидим, — улыбнулась она, откусила и допила. — А кто был прав?

И не поспоришь. Утром Андрей пришёл к ней с мыслью заказать такси от дома до поворота на лесную тропу. Первый год в жизни мог себе такое позволить, но Юля ответила, что это будет не олд скул.

За три часа докатили до Приозерска, вышли на вокзальную площадь под тёмно-синим безоблачным небом, тихую, с двумя легковушками на краю, с часами на столбе в центре круглого газона.

— Тысяча двести девяносто четыре, — прочитал на столбе Андрей. — Этот город старше Питера.

— Намного причём, — отозвалась Юля. — Нам ещё автобус. Где остановка, где расписание?

— Должна быть рядом. Вот она.

Нужный маршрут подошёл минут через пять. Ещё пятнадцать по извилистой дороге — и они спустились на обочину, поросшую лопухом и подорожником, возле поворота на лесную тропу.

— Чувствуешь воздух! — сказала Юля, углубившись в лес. — Совсем не то, что у нас.

— Есть такое.

— Оставайся на неделю. Хотя бы дня на три... Так, мы правильно идём?

— Одна тропа, как можно неправильно?

— Не знаю насчёт тебя, а мне можно, — ответила Юля. — Марина писала, на развилке свернуть вправо.

— Не было ещё развилки.

— А если прошли?

— Мы бы заметили.

— Ты бы точно заметил?

— Да.

— Ладно, идём дальше. Аттракцион века: Юля ищет путь. Нет, ну здорово здесь! Смотри, черника! — Юля сошла с тропы, присела на корточки, разглядывая куст. — Ягоды мелкие...

— Думаю, через месяц подойдут.

— А грибы?

— Могут быть уже сейчас, — ответил Андрей, потянув носом. — Сыроежки, скорее всего... Юль, ты куда?

— А что? — обернулась она.

— Ты назад пошла, к остановке. Давай за мной.

— Только не смейся! Я не переживу и тебе не прощу.

— Да боже упаси, — ответил он и вновь зашагал по упругой, чуть влажной земле.

Пришлось-таки на миг отвернуться и прикусить губу.

Берёзы, сосны. Гладкая белая, шершавая красноватая кора. Они как будто двигались, кружили голову шелестом листьев, гомоном встревоженных птиц. Сколько их здесь, уши разбегаются! И нытьё комаров не раздражало, не хотелось даже прихлопнуть по-городскому. Отмахнулся, сдул — и сойдёт.

Чем ближе подходили к озеру, тем больше становилось сосен. Запах хвои, свежее дыхание большой воды. Солнце просвечивало кроны, блики на стволах, на черничных кустах, цве-

тушем сиреневом вереске сливались в узор: то ли шкура невиданного зверя, то ли карта неоткрытых островов.

Тропа стала похожа на дорогу с двумя неглубокими колеями. Они вынырнули слева — там было, видимо, дачное садоводство.

— Нам не туда? — кивнула Юля.

— Ты говорила направо.

— А если они перепутали? Может, смотрели от озера?

— Не думаю.

— Не думает он. Блин... Жозефина Павловна!

— Не ворчи, вон наша развилка.

— Где?

— Впереди. Видишь большой камень?

— Точно, Марина писала о камне. — Юля вздохнула. — Почему я в городе что угодно найду, а здесь... Как без головы.

Прошли развилку, вскоре пересекли просеку, заросшую по краям лиловато-розовым кипреем. Пчёлы вились над соцветиями, воздух дрожал от взмахов крыльев и всё более ощутимой жары.

На просеку свернули колеи, под ногами вновь оказалась тропа. Она повела на холм с отметинами давнего пожара, самые высокие деревья Андрею по плечо. Перевалили вершину, и дальше вниз, вниз... Ещё минут пять, и сквозь поредевшие сосны открылась синева, разделённая надвое чуть заметной линией. И как же высоко она была проведена! Выше уровня глаз, будто озеро стояло стеной.

Чем ближе подходили, тем приметнее оно ложилось в берега, горизонт шаг за шагом слетал на привычное место. Вот почти... Тут раздался звонкий лай и навстречу понеслась, неведомо откуда выскочив, рыжая с белым собака, острой мордой напоминающая колли.

— Это Марта! — воскликнула Юля. — Всё, теперь дошли. Иди сюда, дай поглажу! Хорошая... Дай лапу. Смотри, какие умные глаза. Зимой последний раз видела. Марина отбила её у малолетних дураков. Хотели бросить в канал, ей было месяца два. Как орёл налетела... Марта, веди к хозяйке! Ты смотри, поняла...

Марта галопом полетела к берегу, через несколько прыжков развернулась, застыла, глядя умными глазами, высунув кончик языка. Вновь подбежала к гостям, ткнулась носом в Юлину ладонь и опять помчалась к берегу. Так повторилось несколько раз, пока наконец путники не дошли до перекрёстка двух троп, одна из которых тянулась, повторяя изгибы, вдоль береговой линии.

Чуть дальше перекрёстка, среди последних сосен на краю леса, стояли три палатки: синяя и зелёная покрупнее, оранжевая — узкая и такая низенькая, что взрослый человек в ней мог бы только лежать. Между ними, на маленькой поляне, горел костёр. Над ним висели на перекладине два чёрных котла, рядом с костровищем была выложена поленница. Всё это обрамлял квадрат из брёвен. На одном из них сидела Марина. Та самая, почти легендарная.

— Ну, здорово, убогие странники! — сказала она, поднимаясь.

Голос хриловатый, с разбойничьими нотками — немудрено, что разогнала толпу. Лет тридцати, чуть меньше Юли ростом, чуть плотнее, коротко стриженная, в драных вылинявших джинсах и зелёной майке.

— Наше вам, — отозвалась Юля.

Они коротко обнялись и поцеловались в щёку.

— Здравсте, — кивнул Андрей и поставил сумку, выпутался из лямок рюкзака.

— Мы тут все на ты, — обернулась к нему Марина. — Так что без церемоний.

— Понял.

Марина поманила гостей к костру:

— Это Настенька, наш добрый дух. Поздоровайтесь живо.

Добрый дух в углу бревенчатого квадрата оказался деревянной фигурой высотой с полметра, вырезанной с искусной грубостью. Формами Настенька не уступала иным венерам палеолита, выражение лица имела грозное. Юля недолго думая погладила её по невероятной груди. Андрей чуть поколебался и кончиками пальцев тронул лоб.

— Ты смотри на него, стесняшка! — сказала Марина. — Чего как не родной? Давай по-нашему, по-лесному.

— Потренируюсь чуть позже, — ответил он.

— Только не увлекайся. Короче, располагайтесь и бегом сюда обедать и завтракать, всё в одном. Как раз будет готово и наши подойдут.

Юля раскрыла рюкзак, вынула запакованную палатку. Андрей развернул её и установил недалеко от низенькой, предназначенной, как оказалось, для продуктов. Марта подошла, виляя пушистым хвостом, обнюхала углы и завалилась на бок, призывая погладить её всю.

Андрей так и сделал. Оставил сумку в палаточном тамбуре, между тентом и внутренней стеной, переделся в пляжные шорты и, пока Юля, недовольно бормоча, раскладывала вещи внутри, пошёл знакомиться с Ладогой.

Осторожно ступая босыми подошвами, миновал костёр. Прихватил стоящее возле бревна пустое ведро, обогнул необычайно пышные кусты голубики. За ними оказался крутой откос, почти обрыв, поросший мхом, прорезанный ступенями сосновых корней.

Внизу рос лабиринт из молодых сосен. Андрей спустился по корням, прошёл сквозь лабиринт на пляж. Песчаная полоса, метров десять шириной, тянулась от мыса до мыса вдоль бухты, полукругом вдающейся в берег. Чуть ближе к правому, южному мысу играли в бадминтон несколько человек — пока неизвестно, из компании Марины или из другой.

Янтарный песок успел разогреться, но ещё не обжигал. День стоял почти безветренный, озеро до горизонта сверкало штилем. Тронул — и отдёргнул ногу. Аж дыхание перехватило. Можно ли выдержать хотя бы пару минут?

Он зашёл чуть выше колена, зачерпнул ведро и вынес на песок. Глядя на озеро, представил себя белым медведем, глубоко вдохнул... и вперёд! вперёд! Не рассуждать! Брызги полетели тучей. Не дав себе опомниться, Андрей окунулся с головой, даже немного проплыл. Весь покрытый мурашками, выскочил на берег и прыгал, приплясывал дольше, чем только что купался.

Когда, обсохнув, с полным ведром направился к костру, навстречу из лабиринта молодых сосен вышла Юля, в купальнике, с полотенцем через плечо.

— Как водичка? — спросила она.

— Бодрит, — ответил он.

Прошёл лабиринт в обратную сторону, шагнул на первую ступеньку. За спиной раздался взвизг.

Обед был готов, и возле костра появились новые для Андрея люди. Виктор, муж Марины, — небольшой, пружинисто-сухощавый, загорелый, обветренный; при взгляде на него мгновенно вспомнилось: «слуга царю, отец солдатам». И Наталья с Георгием, семейная пара лет сорока. Она очень нежная, вся будто кружевная, он здоровяк с седеющей квадратной бородой.

Марина выдала Андрею миску, ложку, кружку — вот о чём не подумал, собираясь второпях. Похлёбка с кусочками мяса, с фасолью, перцем и лавровым листом, с привкусом дыма была просто-напросто сказочной.

Вскоре Юля вошла по сосновым корням, с довольным видом и словами:

— Я это сделала!

Через пару минут оказалось, что она тоже забыла посуду, но у Марины всё нашлось и для неё.

После обеда Андрей вызвался мыть котлы. Когда вернулся с чистыми, Юля и Марина так увлечённо беседовали на поляне, что не стал напоминать о себе.

Он двинулся по тропе в сторону южного мыса. На полпути увидел лагерь из трёх палаток. Здесь жили бадминтонисты, сейчас они сидели у костра. Андрей заглянул, познакомился и зашагал дальше. Тропа пошла вниз, лес стал темнее, запахло сыростью. За ручьём, впадавшим в Ладогу, сосны сменились древними елями, колючие лапы нависали над скользкой от иголок землёй, лезли в лицо, за шиворот. И мошара налетела, как на распродажу.

Андрей вернулся к ручью, вдоль русла вышел к мысу, очень густо, не в один слой усеянному гранитными валунами. Ладога отсюда так пылала на солнце, что в этом чудилось нечто тревожное, даже зловещее.

Северный мыс, до которого добрался вдоль кромки воды, оказался песчаным, уютным при всём неоглядном просторе. В полусотне метров, слаженно откидываясь, прошли гребцы на шестивёсельном яле. Андрей взмахнул им рукой. Больше никого не встретил — только в лесу недалеко от берега набрёл на скалу высотой с двухэтажный дом; обращённый к озеру скат напоминал суровый профиль, и кто-то нарисовал на нём белой краской то ли индейский, то ли египетский глаз.

Андрей, цепляясь за выступы, влез на пологую вершину, а вот спуститься оказалось гораздо трудней. Да уж... теперь ясно, что приехал не зря. Тоже мне отец Фёдор! Кое-как он сполз, чуть ободрав запястье, и, уже возвращаясь к Марине, прошёл мимо маленького лагеря: две палатки, никого из людей. Хотел подождать, но от костра Марины долетели звуки гитары.

Виктор, сидя на бревне, играл «Неаполитанскую песенку» Чайковского, не без запинок и проглоченных звуков, но попробуй хоть так. Андрей затаился за сосной и вышел, когда стихла музыка.

— Супер! — сказал он, садясь напротив.

— Спасибо, — отозвался Виктор. — Ещё не всё забыл. Когда только выучил, было лучше. Где мои тринадцать лет...

— В музыкальной школе?

— Брал уроки у преподавательницы. Как она настраивала гитару! Колено выставит, обтянутое джинсами, камертоном хлоп. Могла бы и без него. Меня учила.

— Тоже по её колену?

— По своему. Её колено, и не только, мне разве что снилось. Сейчас... минутку.

Виктор чуть помедлил, кашлянул и, с места в карьер ударив по струнам, завёл песню Умки:

Мы думали, что надо идти всегда вперёд,
Как будто бы награда за поворотом ждёт.
Мы думали, что надо бежать что было сил,
Хоть нас никто об этом не просил...

Голос у него был под стать внешности: бойкий командирский баритончик.

Здесь почитают Умку, понял Андрей, когда у костра собрались все обитатели и гитара несколько раз перешла из рук в руки. У Георгия оказался мягчайший тенор, вовсе не подходящий к могучему облику, а у воздушной Наташи — неожиданно густой альт. Марина подтягивала едва различимо, отговариваясь недостатком слуха. Андрей знал немало песен Умки,

был несколько раз на её квартирниках. А тут не просто знали песни — дружили, принимали у себя и надеялись рано или поздно завезти на пару дней сюда, на Ладогу.

Подшли соседи с южной поляны: рыженькая Лиза и двое мужчин — со своей гитарой, с кельтскими напевами. Инструменты легко состроились. И Андрей, даже удивительно, не всё забыл с тех времён, когда играл в школьном ансамбле.

День миновал, как одна не самая длинная песня. Солнце бочком-бочком, окраинами неба укатилось за лес. Вокруг почти не стемнело, но стало зыбко, призрачно. У костра уже не было Юли, а когда исчезла? Бог весть. Да и никто не думал сидеть допоздна. Ушли южные соседи, чуть позже — Наталья с Георгием. Что ж... Пора, брат, и нам.

Андрей вновь искупался, чуть дольше, чем в первый раз. Надел треники, футболку. Весь бодрый донельзя, постучал по натянутому тенту Юлиной палатки. Расстегнул, подвигал туда-сюда бегунок внутренней молнии... Тишина. Бесшумно забрался и замёл за собой все следы.

Юлька спала на боку. Вытянулся за спиной — как будто подалась к нему. Тонкая шерстяная пижама. Не колется? Положил ладонь на Юлино бедро. Мягкая, но всё равно. Двинулся под кофту. Помедлил. Ещё чуть-чуть, последний рывок. Давай, ну... И вдруг стало холодно — резко, до дрожи, до стука зубов. Андрей открыл глаза, включил телефон. Что?! Пять — двадцать две?

Не только промёрз насквозь, ещё рука затекла. Не та, что на Юле — другая, которая под головой... Андрей, более или менее оживив её, пошарил около себя, зацепил пальцами что-то, похожее на одеяло или плед, и натянул на обоих. Постепенно согрелся, а когда в следующий раз посмотрел на дисплей, было почти девять.

Он вылез из палатки, переоделся в не просохшие за ночь пляжные шорты, взял зубную пасту, щётку, полотенце и спустился по лестнице из сосновых корней. Знакомым путём прошёл лабиринт, выглянул на пляж и замер.

Освещённая утренним солнцем, по песку шла девушка с двумя полными вёдрами в руках.

Андрей сложил наземь всё имущество и едва ли не бегом поспешил навстречу.

— Давайте я возьму?

— Я сама, спасибо. — Она едва заметно покачала головой.

— Не могу спокойно видеть, — настаивал он. — И развидеть уже никак.

Девушка поколебалась секунду-другую, поставила вёдра и чуть отступила.

— Ну... если не трудно.

От неё веяло чистотой. Казалось, она вышла на берег из тёплой ванны. Изумительно чистым было всё: звук её голоса, движения, взгляд, оттенок кожи, вовсе не бледной, но будто светящейся.

— Легко, — заверил он, подняв груз. — Андрей. Там живу, — кивнул он в сторону поляны.

— Ольга. Мы там, — указала девушка правее.

— Очень приятно. Я приехал вчера. Вас, кажется, не было?

— Ездили в Приозерск, смотрели крепость, — ответила Ольга. — Ночевали в гостинице, утром сюда.

Когда начался лабиринт молодых сосен, в этом месте более запутанный, она пошла впереди, указывая дорогу. Бывают же такие! Только-только высохли капли на теле, но ещё не улетучился лёгкий запах изысканного мыла, персик или абрикос... Это первое, что заметно в ней, а уж потом модельный рост, очень густые, искрящиеся каштановые волосы до лопаток, тонкая талия при довольно широких плечах, длинные стройные ноги, купальник в бело-синюю морскую полоску, как раз при таком сложении она к лицу.

— Вы тут не первый раз? — спросил он.

— Я первый, другие нет, — ответила Ольга.

— Я тоже первый.

Они подошли к откосу, в этом месте более высокому, почти в два человеческих роста. Тут же голос ребёнка лет пяти запел наверху какой-то своего сочинения марш. Вслед за девушкой Андрей поднялся по ступенчатым корням. На бревне сидел кудрявый ангелочек, рядом миниатюрная брюнетка в шортах и майке, стоя на колене возле костровища, раздувала огонёк под щепками, составленными шалашом.

— Бог в помощь, — сказала Ольга.

— Ты уже? — обернулась та.

Глаза её слезились от едкого дымка, и, видимо, потому она не сразу разглядела Андрея.

— Это наш новый сосед, — представила его Ольга. — Это моя сестра.

— Двоюродная, — добавила брюнетка. — Катя. А это Ваня, мой сын.

— Очень приятно, Андрей.

Он поставил вёдра, пожал Ванину ручку. Ольга наполнила из чуть меньшего ведра два котелка, крючками-долларами подцепила их к перекладине, лежащей над костром на воткнутых в землю рогульках.

Огонь разгорался, и Катя подсунула под котлы два полена крупнее. Ещё одно лежало у неё под рукой, а больше-то и не было.

— Вам хватит дров? — спросил Андрей.

— Надеемся, — ответила Катя.

— Может, я помогу?

— Да нет, спасибо. Мы там, — кивнула она в сторону леса, — спилили сухую сосну. Носим по частям сюда, колом по необходимости.

— Давайте я всю разом принесу? — предложил он.

Катя переглянулась с Ольгой, успевшей переодеться в свободные брюки, футболку навыпуск и сланцы.

— Девушки, простите, — сказал Андрей. — Может, это здесь не принято, а я не знал. Но раз уж предложил... В первый и последний. Все спят ещё, — он развёл руками, — никто не увидит.

— Хорошо, — улыбнулась Катя. — Оль, покажешь?

— Покажу.

— Минутку, я сейчас, — сказал Андрей и поспешил на свою поляну. Там было тихо, никто ещё не вылезал на свет и даже Марта его не встретила. Он осторожно открыл тамбур Юлиной палатки, взял лесную одежду и неслышно опустил до земли бегунок молнии.

Через минуту, готовый, он стоял у костра девушек.

— Идёмте, — сказала Ольга и, с пилой-ножовкой в руке, двинулась впереди по едва заметной тропе.

— «Идёмте...» — вдогонку передразнила Катя. — Мы тут все на ты.

— Поняла, — ответила Ольга, не оглядываясь.

Вскоре лес обступил их, прохладный, росистый с утра. Андрей шагал осторожно, стараясь не задевать кустики черники с незрелыми ягодами, и запоминал дорогу. Была и брусника. Приехать, что ли, в августе пособирать?

Ольга сосредоточенно вглядывалась в деревья и наконец остановилась возле раздвоенной от корня осины, тронула зеленовато-серый ствол.

— Теперь туда, — кивком указала правее, — ещё немного.

Дальше земля пошла волнами, как застывший океан: вверх-вниз, вверх-вниз, каждый гребень чуть выше, и за самым крутым из них открылся участок леса, отчего-то высохший на корню.

— Вот наши дрова, — остановилась Ольга рядом с лежащим стволом без коры и сучьев. За две ходки можно управиться. Андрей взял ножовку и в темпе поршневого двигателя разрезал ствол пополам.

— Това'ищи, субботник отменяется, — сказал он, вскинув более толстую половину на плечо. — Я поте'ял надувное б'евно.

— Не тяжело? — спросила Ольга.

— Ничуть.

Тронулись к берегу, Ольга вновь с ножовкой, впереди.

— Красиво здесь, — сказал Андрей.

— Да! — отозвалась она. — Сама не ожидала, что так здорово.

— Мир глазами кроманьонца.

— Ну а мы кто?

— Говорят, у нас объём мозга меньше.

— Здесь вырастет, — сказала она со смешком. — Может быть.

Возле костра оказалось, что немного дров у сестёр всё же было. Вчера, уезжая, накрыли непромокаемым плащом, Андрей и не заметил. Он сгрузил бревно на место, указанное Катей, и сходил за оставшейся половиной. Нашёл на удивление легко. Когда принёс, Ольга уже отпилила кусок от комля, взялась за другой и с первого взгляда было ясно: за её пальцы опасаться нечего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.